

Беседа с Фридой Яковлевной Фрицлер

– Фрицлер Елизавета Петровна (№ 18 на фото) – твоя бабушка, она говорила по-русски?

– Нет, бабушка не знала русского, она говорила только по-немецки, а из русского знала только несколько слов. Очень любила детей, гладила их по голове и говорила: «Кароший!»

– А родители твои знали русский? На каком языке вы общались в семье, когда жили в Энгельсе?

– Мама моя (№ 23) плохо говорила по-русски, но ее можно было понять. Она говорила по-русски с немецким акцентом. А вот папа (№ 21) хорошо знал русский, свободно говорил, писал даже, правда, с ошибками писал. На работе (Энгельсский мясокомбинат) или на улице родители разговаривали на русском языке. Дома же мы все говорили по-немецки. Мне на тот момент, когда нас из Энгельса отправили в Сибирь, было всего 3,5 года.

– Расскажи, что ты помнишь о вашей депортации из Энгельса в Сибирь?

– Смутно помню, маленькая была. Знаю от родителей и из алфавитной карточки, которую выдали отцу при депортации, что ехали мы в восемь: папа, мама, бабушка и нас пятеро детей. Папины братья и сестры ехали отдельно, своими семьями, хотя мы вместе все жили в Энгельсе (в бараке при мясокомбинате). Вышел Указ 28 августа 1941 года – выселить всех немцев с Поволжья. Нас с семьей – в Сибирь, а тетю мою (№ 17) Фрицлер Марию Яковлевну – в Караганду.

Когда вышел этот Указ, нам всем сказали взять самое необходимое и прибыть на ж/д станцию. Наш эшелон был № 827, вагон № 18, отправление из Энгельса в Красноярск 4 сентября 1941 г.

Ехали мы в товарных вагонах. Долго ехали. Привези нас не в Красноярск почему-то, а в деревню Сосновку, где не было совсем никаких условий для проживания. Предложили тогда самим себе строить бараки в Ачинске, кто где пожелает и дали досок. Мой папа с братьями построили барак на территории фабрики игрушки «Восход» в Ачинске, у каждой семьи получилось по комнатке. Типа как коммунальная квартира, длинный коридор и комнаты для каждой семьи Фрицлер. В этом бараке жили мы и папины братья-сестры со своими семьями (кроме Марии, которая в Караганду попала при депортации). Жили в бараке до 1950 года, а потом нас всех переселили на ул. Тепьятскую, д. 39, в бывший купеческий дом.

– Как вас встретили сибиряки?

– Нормально встретили, многие понимали, что мы (немцы, родившиеся в Поволжье) ни в чем не виноваты. Разрешили постройться и осесть в Ачинске. Помогали. Дали работу. Все пошли работать на эту фабрику игрушки «Восход» в Ачинске, на территории которой мы и жили. Мама шпатлевщицей работала и истопником, папа – столяром и тоже истопником. Он был мастеровым, рукодельным, несмотря на травму руки, его ценили. Директор фабрики Садовский был очень хорошим человеком, еврей по национальности. Наши семьи сдружились тогда.

Конечно, были те, кто и плохо к нам относился, называл фашистами, ненавидел.

– Как вообще относились к немцам в Ачинске? Было ли негативное отношение?

– По-разному относились, мы же – немцы... Война шла... Кто-то понимал и сочувствовал, кто-то – оскорблял и ненавидел нас. В школу я пошла в 1944 году, и в классе был один мальчик (по фамилии Козёл), который унижал нас, немцев, постоянно, всякие гадости делал, нападал, оскорблял фашистами, бил... На работе у родителей тоже была одна женщина, которая ненавидела моих маму с папой за то, что они немцы. Эта женщина (забыла ее фамилию) писала кляузы постоянно, подлости чинила, гнобила моих родных. В-общем, по-разному относились. Были хорошие люди, были плохие.

– Забрали ли кого-то из вашей семьи в трудармию?

– Всех почти забрали. Из того самого барака в Ачинске... У папы было три сестры и четыре брата. Не забрали только его самого, из-за травмы руки и его самого младшего брата Давида – из-за возраста. И маму мою не забрали. Остальных всех отправили, кроме нас, детей. У меня – брата Яшу в Канск забрали (ему 18 было), потом мою старшую сестру Эмму в Нижний Тагил в трудармию отправили, когда ей 16 лет только исполнилось... Папину сестру Эмилию и ее мужа тоже отправят в трудармию, а их дочек, Иду и Минну – в детский дом. Мои папа с мамой тогда разыщут и заберут их из детдома, и девочки будут с нами жить и воспитываться до возвращения Эмилии. Муж Эмилии (по фамилии Герман) не вернется после трудармии в Ачинск, другую семью создаст в Кирове, да и останется там.

А вот сестра моя Эмма вернется из трудармии из Нижнего Тагила не одна, а с будущим мужем, Андреем Буш, с которым она там познакомилась.

– Как тебе давался русский язык? Как ты училась в школе?

– Когда я пошла в школу, в 1944 году, мы в Ачинске уже три года прожили, и язык я освоила. Училась хорошо. Вот только из-за болезни в 6 классе мне пришлось на второй год остаться. Я заболела тогда скарлатиной, два месяца в больнице была, потом дома, сильно болела.. Школа наша № 10 располагалась на ул. Красноярской. Окончила 7 классов и в 1953 году поступила в Ачинский техникум советской торговли. А уже после его окончания, по распределению, попала в Кемерово. А это – уже другая история...

*Беседу провела и записала
Ольга Фрицлер
26 января 2020 г.*